

С. О. ШМИДТ

Письма В. П. Адриановой-Перетц М. Н. Тихомирову

В Архиве Российской АН, в фонде академика М. Н. Тихомирова находятся письма Варвары Павловны Адриановой-Перетц за 1945—1963 гг. — письма и открытки (31 — все машинописные) и две телеграммы (ф. 693, оп. 4, д. 74, л. 1—41).¹ Они интересны в плане изучения и творческих биографий этих ученых, и познания конкретных обстоятельств развития науки, и условий общественной жизни тех лет, показывают, сколько усилий требовалось для внесения в расхожие представления мысли о том, что памятники древнерусской литературы достойны высокого уважения и «внесения в читательскую среду» (выражение В. П.).

Ученые познакомились в Самаре, где в 1917—1921 гг. жила и работала В. П. Адрианова-Перетц и куда в 1919 г. из Подмосковья переехал М. Н. Тихомиров. Там был организован университет. В неопубликованных воспоминаниях М. Н. Тихомирова (последняя редакция которых датируется 1963 г.) имеется раздел «Самарское общество истории, археологии и этнографии». Там написано и о Перетцах. Самарский университет создавался по типу соседнего Казанского и в гуманитарных факультетах повторял его программу. Организованы были и археологические курсы. «Археология, — замечает мемуарист, — была в большой чести во многих городах Российской республики, так как являлась своего рода выходом для интеллигенции, стремившейся занять себя интересной для нее исторической работой». М. Н. Тихомиров читал там курс истории, а сам записался в объявленный академиком В. Н. Перетцем семинар по палеографии. Записалось двое: он и Андрей Михайлович Земский — муж сестры писателя М. А. Булгакова Надежды (до конца жизни остававшейся близкой знакомой Михаила Николаевича), впоследствии соавтор учебника русского языка. Но Земский после одного-двух занятий покинул семинар.

«Таким образом, — пишет далее М. Н. Тихомиров, — семинар В. Н. Перетца состоял всего из одного человека. В. Н. Перетц принадлежал к числу тех редких людей, вокруг которых всегда группировались ученики. Это был не просто крупный ученый, а преподаватель „Божьей милостью“.

Не все знают, что такое воспитывать студенческие и вообще научные кадры. Большинству кажется это явление довольно простым и легким. На самом деле для этого надо обладать и своего рода способностями и, в

¹ Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание /Сост. И. В. Старовойтова. М., 1974. С. 125. Эти материалы частично использованы в статье-некрологе: Шмидт С. О. Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888—1972) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 375—379.

первую очередь, определенной сердечностью к людям для того, чтобы видеть ростки их новых знаний, вовремя помочь. Ведь без помощи очень трудно бывает для всякого начинающего ученого. Тут и вопросы чисто бытового характера, и вопросы о том, где поместить ту или иную статью, к кому обратиться за помощью, и т. д. и т. п. В. Н. Перетц был очень строгим преподавателем и в то же время довольно любящим учителем. Для меня он на всю жизнь остался незабвенным учителем и другом. О характере его преподавания, о его строгости дает представление то слово, которое я у него заимствовал и потом повторял своим ученикам. Однажды как-то я принес рукопись, а рукописи для просмотра он давал из своей библиотеки, и на вопрос Владимира Николаевича, к какому времени относится эта книга, сказал: „Начало XVII века“. Владимир Николаевич сжал губы и спросил: „А подумавши?“. А подумавши оказалось, что рукопись конца XVI века. Нечего и говорить, что никакой обиды на это я к нему не питал, наоборот, почувствовал еще большую любовь и уважение.

Преподавателем древнерусского языка для меня в это время была его жена Варвара Павловна Адрианова-Перетц, тогда еще человек молодой. С нею дело было еще проще. Раз в неделю она меня спрашивала по прочитанному мною материалу. Она сама на каждую неделю давала три-четыре книги. Зато уже изводы и другие различного рода сведения, относящиеся к палеографии, я усвоил в достаточной мере блестяще...

Первоначально Владимир Николаевич Перетц жил с Варварой Павловной без венчания, так как была жива еще его первая жена. Варвара Павловна была его же ученицей; вместе с ними жила также и другая ученица Владимира Николаевича, подруга Варвары Павловны — Софья Алексеевна Щеглова. Только в Самаре после известия о смерти жены Владимир Николаевич и Варвара Павловна повенчались в соборе, причем Башкиров,² как он сам рассказывал, прочитал для него известное место из Апостола: „Жена же да убоится своего мужа“.

Владимир Николаевич Перетц успел как-то привязаться ко мне как учитель и предложил мне быть его ассистентом по палеографии в Самарском университете. Предложение это я охотно принял...³

После переезда Перетцев в Петроград, а Тихомирова в Москву постоянных отношений между ними, видимо, не было или они прервались. Поэтому В. П. в первом же письме, датированном 3 февраля 1945 г., напомнила о «временах Самарской жизни». Письмо приводится полностью с характерными для эпистолярного стиля В. П. сокращениями слов.

«Многоуважаемый Михаил Николаевич!

Пользуясь поручением акад. Ал. Серг. Орлова, чтобы напомнить Вам своим именем о хороших временах Самарской жизни, для нас — связанных, кроме всего, и с воспоминаниями о молодости, для Вас — с годами учения, мечтами о работе. Вы остались верны этим мечтам, как вижу из появляющихся в печати Ваших исследований и из того, что и учеников своих Вы направляете в ту же, во многом еще загадочную, область средневековья.

Когда Исторический Музей откроет свое гостеприимное рукописное отделение? Мне очень надо бы выверить там две, не мной сделанные, копии текстов Задонщины. И поручение Орлова из той же области: ему нужен текст повести об осаде Пскова Стефаном Баторием, по Чудовскому списку № 57/359/168/XVII в. лл. 136—201 об. Он просил узнать, нельзя ли заказать копию (точную, даже с ударениями) этой повести, и сколько

² Алексей Степанович Башкиров — тогда профессор археологии Самарского университета.

³ АРАН, ф. 693, оп. 2, д. 40, л. 258—260.

такая работа будет стоить. Старик сейчас очень плохо видит и сам уже не способен сделать копии. Если можно, поручите кому-нибудь. Здоровали Марфа Вяч.⁴? Ей писала моя докторантка, но ответа не получила, боимся, не больна ли она.

В мае на юбилейную сессию приеду, если здоровье не подкачает. Быт у нас еще трудный при моем здоровье, или точнее при отсутствии его.

О Вашем педагогическом методе слышала от Вашего ученика (З. Шмидта),⁵ и так он напомнил мне годы учения нашей группы „древников“. Как это было хорошо и как все далеко. Вот уж одного современника похоронили — С. Ал. Бугославского.

Извините, что затрудняю просьбой, но ведь дело наше общее, а осталось нас так мало. Затеваем издавать серию памятников древней литературы. Но когда еще это окажется возможным, когда все рукописи станут на место? И все ли станет? Кто выяснит убытки? Нужны бы экспедиции для проверки на местах... А людей-то нет.

Будьте здоровы. Найдется время, напишите о себе, о своей работе. С приветом — В. Адрианова-Перетц» (л. 1—1 об.).

В следующем письме — от 31 августа 1945 г. В. П. сожалеет, что по состоянию здоровья не могла «во время весенних поездок в Москву» добраться до Исторического музея и повидаться с М. Н. («Пока не наладится в Москве сообщение с помощью такси, я там совершенно беспомощна: ни трамвая, ни метро уже не выношу, пешком далеко не ходок, а из АН достать машину удастся, и то не всегда, только на заседания» — л. 2). В. П. сообщает, что В. Д. Кузьминой удалось «устроить фотокопии» двух нужных текстов Задонщины, но о возможности сделать фотокопии для А. С. Орлова нет сведений. И пишет: «целиком погружаюсь» в редактирование тома по истории русской литературы XVII в., который «лежал без движения все военные годы, а за это время многое передумано». В том же письме соображения о подготовке научных кадров в области изучения Древней Руси («Завидую количеству Ваших аспирантов и качеству их. С древней литературой плохо. От преподавания я из-за здоровья должна была отказаться, и потому выловить негде») и ответ на вопрос о местонахождении С. А. Щегловой, в те годы — профессора в Саратове. В конце письма В. П. сокрушается в связи с уходом из жизни С. Д. Балухатого (скончавшегося 2 апреля 1945 г.): «Смерть Сергея Дмитриевича никак еще в сознании не укладывается. Для меня лично это потеря друга, с которым 30 лет я делила и

⁴ Марфа Вячеславна Щепкина — палеограф и историк, многолетний сотрудник, а затем и заведующий Отделом рукописей ГИМ.

⁵ Знакомство наше состоялось летом 1943 г., когда В. П. во время эвакуации из Средней Азии оказались в Ташкенте соседкой по купе моей матери М. Э. Голосовкер, тогда заведовавшей сектором художественной иллюстрации ИМЛИИ. Сверстницы, обе в молодые годы киевлянки, с близким кругом знакомых, они сблизились. В. П. высоко ценила составленную под руководством Маргариты Эммануиловны и предваренную ее вступительной статьей книгу-альбом «М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество» (М.; Л.: Искусство, 1941), согласилась быть редактором готовящейся книги такого же типа о М. В. Ломоносове, давала отзывы на этот труд и книгу-альбом по истории России до XIX в. Они переписывались, а во время встреч в Москве я сопровождал маму. В. П. рассказывала о самарских годах, интересовалась методикой преподавания М. Н. Тихомирова (а он руководил в МГУ занятиями специализирующихся по отечественной истории периода феодализма и по палеографии, которые проходили в Отделе рукописей ГИМ с участием М. В. Щепкиной), рекомендовала мне изучать повести о событиях времени Дмитрия Донского и с редкой щедростью в одном из писем делилась своими наблюдениями над рукописями. Вспоминала она самарские годы и во время последней нашей встречи в ее ленинградской квартире. Тогда же она подарила мне книгу В. Н. Перетца «Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучений. Методы. Источники» — «корректированное издание на правах рукописи» (Киев, 1914) со своими маргиналиями.

радости и горе. Это же был самый близкий к Вл. Ник. ученик. Скоро 10 лет, как начались для меня горестные утраты, и чем дальше, тем чаще они. Но никогда я не думала, что буду хоронить Сергея Дмитриевича. Ему же было только 52 года. Сейчас его кабинет в целом перенесен к нам в Институт. Мать отдала даже все, что стояло до последней минуты на его письменном столе. Но вместо хозяина — один портрет. В Институте это незаменимая потеря» (л. 2—3 об.).

В письме от 17 ноября 1947 г. благодарит за присылку труда М. Н. Тихомирова (видимо, книги «Древняя Москва (XII—XV вв.)», изданной МГУ в 1947 г.), «для всех древников особенно чрезвычайно интересной книги». «Я, конечно, сразу по выходе проглотила ее в библиотечном экземпляре, и с тем большим удовольствием поставила ее на свою библиотечную полку. Ваши наблюдения над Задонщиной учту в следующих о ней работах». Сообщает, что надеется «одарить» уже почти готовым пятым томом ТОДРЛ: «там Дмитрий Донской будет представлен дважды — в моей статье о „Слове о житии“ и в издании „Задонщины“» (л. 4.).

Следующее письмо датировано 23 мая 1948 г. В. П. благодарит руководимый М. Н. Тихомировым Отдел рукописей ГИМ за поздравление (видимо, с шестидесятилетием): «Татьяна Николаевна⁶ передала мне действительно мастерскую по выполнению памятку — такой тонкой работы и понимания настоящего стиля я уже давно не видела». Основное внимание уделено отклику на «Письмо в редакцию» М. Н. Тихомирова с предложением возобновить археографическую деятельность по собиранию памятников древнерусской письменности:⁷ «Ваше письмо по поводу археографической экспедиции встречено с самым горячим сочувствием всеми членами нашего Отдела. Мы послали — для продолжения публичного разговора на эту тему — небольшую заметку в редакцию,⁸ но я передаю ее и прямо Вам, если окажется, что печатать ее уже нет надобности. Ваша поддержка крайне важна, а в наших, например, условиях и просто необходима». В. П. сетует на то, что В. И. Малышев («самый живой человек среди нашей молодежи») вынужден по распоряжению дирекции замещать ученого секретаря ИРЛИ, и «как партийный человек он не может просто отбрыкнуться от этого поручения. Вот мы и ждем, что план большой археограф. экспедиции по Вашему почину начнет реализоваться, что наш Отдел получит приглашение принять участие и тогда уже без Малышева дело не обойдется. Пока же сорвалась намеченная поездка в Усть Цыльму, где есть надежда найти материал». Вслед за этим В. П. написала: «Доходили до нас слухи об организации „Исторического Архива“. Реально ли это? Мне вспомнилось тогда, что от М. Д. Приселкова остался в Институте готовый текст восстановленной им Троицкой летописи (листов около 20-ти).

Итак — мы готовы чем можем служить будущим археографическим предприятиям» (л. 5—6 об.).

В письме от 26 ноября 1949 г. В. П. благодарит своего адресата за присылку его работы «Где и когда было написано „Слово о погибели русской земли“»: «Статью, конечно, с большим удовольствием берем в VIII том Трудов. Наконец-то с загадочным Словом многое становится на место. Одним литературоведам с этим бы никогда не справиться». Сообщая о том, что высылают VII том ТОДРЛ, В. П. пишет: «У меня большая к Вам

⁶ Татьяна Николаевна Протасьева — археограф, тогда научный сотрудник Отдела рукописей ГИМ.

ВИ. 1948. № 3. С. 159.

⁸ Основное содержание письма, подписанного В. П. Адриановой-Перетц, М. О. Скрипилем, И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым, В. И. Малышевым, изложено в журнале: ВИ. 1948. № 9. С. 134 («Об охране и сборе древнерусских рукописей»).

просьба: мы так одолели за последнее время своими изданиями академич. Издательство, что там уже начинают кричать — получается будто бы избыток внимания к древности. Чтобы VIII-й том Трудов на этом основании не задержался и пошел обычным нашим темпом, Издательству надо некоторое поощрение со стороны научной общественности, в виде сочувственного отзыва об очередном томе. Зная, каким авторитетом пользуется в академическом Издательстве Ваше имя, я и решаюсь просить Вас от лица всего сектора — дайте хоть коротенькую рецензию на VII-й том в „Вопросах истории“. Мы, конечно, не думаем, что достигли научного совершенства, ошибок и недочетов и у нас достаточно, но хотелось бы, чтобы было отмечено самое желание как-то по-новому подойти к ряду вопросов. У меня есть определенное ощущение, что без такого „толчка“ восьмой том будет ползти черепашкой, а этого хотелось бы избежать.

Одновременно вышлю Вам и новый выпуск „Литературных памятников“ — „Воинские повести древней Руси“. Это уже иной тип наших работ — внедрение в читательскую среду.

На сессии тщетно пыталась найти Вас, но в такой толпе это, очевидно, невозможно. Если приеду когда-нибудь в Москву не на такой короткий срок, хотела бы очень повидаться с Вами и посоветоваться вообще и, в частности, относительно одной из запланированных на будущий год в серии „Литерат. памятники“ книг.

От Дмитрия Серг. Лихачева и Влад. Ив. Малышева Вам передаю большой привет и просьбу не отказать в помощи с продвижением уже сформированного восьмого тома Трудов» (л. 8—8 об.).

Опасаясь, что «вышло досадное недоразумение» и письмо, отправленное по прежнему адресу, не дойдет до адресата, В. П. через пять дней — 1 декабря — пишет письмо схожего содержания. Это показывает, насколько продуманны формулировки обоих писем. Это же — свидетельство того, что В. П. не оставляла дубликатов подобных писем. «Не надеясь на то, что письмо своевременно перешлют, повторяю его содержание. Мы, конечно, с большим удовольствием напечатает Вашу статью о Слове о погибели, которая раскрывает то, чего своими силами литературоведы никогда бы не одолели. Вспоминаю, как бился покойный А. С. Орлов над словом „тоимичи“... Теперь все становится на свое место. Восьмой том уже сформирован, но мы боимся, как бы не затянулось его печатание по весьма странной причине. Дело в том, что за последний год наш сектор печатает больше, чем новая, а тем более новейшая литература, и Издательство несколько испугано этим. Поворот к современности не получается. Вина, конечно, не наша, но все-таки из осторожности могут оттянуть сдачу в набор следующего тома. Поэтому сектор обращается к Вам с просьбой помочь этому делу. Нужно поощрение научной общественности, в виде отзыва, который удостоверил бы, что и наше дело нужное. Зная, как авторитетно в Издательстве АН Ваше имя, мы и просим Вас дать хоть небольшой отзыв в „Вопросах истории“ о седьмом томе Трудов, который Вам уже послан по правильному адресу. Мы не обольщаемся относительно абсолютной ценности каждой статьи в отдельности, но хотелось поддержать самое издание: ведь оно остается единственным по древнерусской литературе. В свете требования повернуть к современности мы себя чувствуем не очень-то уютно...

Высылаю Вам и новый выпуск „Литературных памятников“ — это попытки приблизиться к широкому кругу читателей. Ведь Труды с их маленьким тиражем (2500 экз.) в общем остаются библиографической редкостью. Мы смотрим на них как на свою лабораторию, а серия „Литературн. памятники“ — это наше „внедрение“. Хорошо бы сказать об этом вслух.

На основе лабораторных исследований строится и наша научно-популярная продукция.

На Общем собрании тщетно пыталась Вас найти — в такой толпе я растериваюсь и не вижу тех, кого хотелось бы увидеть. Если придется приехать в Москву не на такой короткий срок, постараюсь непременно увидаться с Вами, хочется посоветоваться по некоторым вопросам.

Институт так много берет сил, что у меня их уже недостает и все чаще думаю об отставке. Поработать бы без спешки, в меру сил.

Дм. Серг. Лихачев и Владимир Иванович Малышев просят передать Вам привет и просьбу откликнуться на Труды» (л. 9—9 об.).

Письмо от 25 января 1950 г. написано по ознакомлению с рецензией М. Н. на подготовленное в серии «Литературные памятники» издание «Повести временных лет». «Как редактор, очень благодарю Вас за нее! Наконец я получила право сломать перевод Романова,⁹ который до сих пор упрямылся и отстаивал свои „литературности“. Вытребовала текст и сниму с него все красоты». Согласна она и с пожеланием внести некоторые изменения в комментарии, тем более что «многое» имеется уже в новом варианте их, который не «попал» к М. Н. Однако она решительно отвергает предложение «снять Речь философа и проч.»: «Дело в том, что наши издания этого типа широко идут в страны народной демократии, и там такие пропуски вызовут чувство недоумения. К тому же статья Б. Д. Грекова, которую он даст вместо предисловия, многое обосновывает как раз на анализе этих частей. Можно в статье и в комментарии крепче и соответственно ярче оттенить специфичность этих частей, но без них в такой серии обойтись нельзя. Если бы это был тип школьных изданий, — другое дело. От нас требуют здесь самой высокой научности. Ну, а какая же это будет научная высота, если мы так урежем текст. Боюсь, что Издательство зацепится за эту мысль и тогда пойдет длинный спор. Дмитрий Сергеевич в этом пункте не пойдет на уступки, и если Издательство будет настаивать, готов разорвать договор. По-моему, наш читатель, даже широкий, достаточно уж созрел, чтобы не бояться показать ему наших далеких предков в их подлинном виде. Издание будет обесценено для студентов. А если перевод в Речи философа местами мало внятный, так и пусть — не наше дело распутывать этот туман. Становится зато совершенно ясно, что это была мудрость не для народа. Вот это-то и можно будет подчеркнуть в статье и комментарии. Эпическая часть религиозных книг превращалась в апокрифы, а философско-догматическая просто оставалась чтением „для немногих“».

В конце письма благодарит за рецензию на VII том ТОДРЛ¹⁰ и сетует на перегрузку (подготовка изданий к юбилею «Слова о полку Игореве», возложенное Институтом «бремя неудобноносимое» — «наладить» работу по подготовке к печати двух обобщающего типа томов о дореволюционном фольклоре. «В такой обстановке, — восклицает она, — все чаще приходят мысли об отставке» — л. 10—10 об.).

18 ноября 1951 г. В. П. обратились к М. Н. с просьбой согласиться выступить оппонентом кандидатской диссертации Г. Н. Моисеевой: «...и для литературоведов стало уже очевидно, что мы не сдвинемся в вопросе о Казанской истории с мертвой точки, пока не попытаемся ответить на вопрос: почему же именно так описаны события начала 50-х годов (и более ранние) в 60-е годы! Какова связь самой направленности этого описания

⁹ Романов Борис Александрович — историк.

¹⁰ Рецензия опубликована: Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1950. Т. 7. № 3. С. 268—271.

с общественно-политической борьбой первой половины 60-х годов. Вот почему-то и интересно было бы выслушать мнение историка, да еще такого как Вы, по данной теме». В. П. сообщает, что найдено еще «74 списка КИ (сверх тех, что видел Кунцевич)», что аспирантка «прошла вслед за Кунцевичем¹¹ по основным „источникам“ КИ, но выводы ее гораздо шире и конкретнее, чем у него. Кстати, стало ясно, что надо готовить новое издание памятника: у нас есть текст с полной похвалой, с правильным порядком первых глав и вообще лучший, чем использованные для XIX т. Один из них, очень хороший, из собрания Владимира Николаевича» (л. 11).

В письме 21 ноября того же года В. П. соглашается с тем, что лучше «обойтись ленинградскими оппонентами, с которыми легче менять сроки диспута», но оставляет «за собой право» обратиться за помощью «о новом издании Казанской истории и комментарии к нему» (л. 12).

Письмо от 27 января 1952 г. начинается с извинения «за долгое молчание», объясняемое болезнью, из-за которой пришлось отказаться «от редакции двух выпусков лит. памятников». «Потому и интересное и, конечно, для меня лестное предложение выпустить книгу вместе с Вами я вынуждена отклонить». Речь, видимо, шла о подготовке издания, известного затем под названием «Повести о Куликовской битве». Но рекомендует привлечь к участию в издании Л. А. Дмитриева: «По вопросу о сказаниях о Мам. побоище могу Вам сообщить следующее. У М. О. Скрипиля сейчас над этой темой работает аспирант Лев Александр. Дмитриев. Подробный план диссертации мы скоро будем обсуждать. Центр тяжести в нем, очевидно, будет в вопросе о редакциях, но, конечно, и литературоведческие вопросы войдут. Может быть, Вы, сославшись на меня, спиштесь со Скрипилем, не возьмется ли он сделать истор.-литерат. статью» и сообщает адрес М. О. Скрипиля.¹²

Сетую на болезнь, замечает, что подобные «болезни требуют покоя, а какой же в условиях нашего института покой», в конце письма пишет, что и «Лихачев все болеет, ему тоже недостает для лечения нервного покоя» (л. 13—13 об.).

Любопытно ответное письмо В. П. от 16 февраля 1952 г. — характерный для давней и, увы, утрачиваемой эпистолярной традиции русской науки пример обмена научной информацией: «Текст, о котором Вы меня спрашиваете, — загадка о Ноевом ковчеге, частая и в рукописных текстах, и в устной традиции. Град — Ноев ковчег, посол — голубь, грамота написанная — масличная ветвь. Все опубликованные варианты этой загадки собраны в статье Владимира Николаевича, напеч. в Етнограф. Вісник. т. X „Студеі над загадками“. Это одна из последних его работ, опубликованная в 33 г.

Загадка идет от апокрифической литературы, поэтому текст ее, близкий к найденному, есть у Порфирьева в составе „Беседы трех святителей“ (Апокр. сказ. о новозав. лицах, стр. 400).

Очень интересна орфография надписи: типичное для Севера и вместо *ять*, в слове „нем“ (немой). Странное написание „нобом — небом, ному — нему“.

На эту загадку я обратила внимание уже тогда, когда в газете появились сведения о находке».

¹¹ Г. З. Кунцевич издал исследование о Казанской истории (ЛЗАК. СПб., 1905. Т. 16) и текст ее в 19-м томе ПСРЛ.

¹² Л. А. Дмитриев был приглашен участвовать в издании. В личном фонде М. Н. Тихомирова отложились датированный 2 ноября 1955 г. отзыв о статье его «Сказание о Мамаевом побоище» (ф. 693, оп. 4, д. 14) и 13 писем Л. А. Дмитриева за 1953—1963 гг. (д. 212. л. 1—19).

В том же письме В. П. объясняет, почему она склоняется к переходу на пенсию: «О пенсии я думаю не для того, чтобы бросить работать. Мне нужно не менее полугода, чтобы привести здоровье в какое-то равновесие, а то меня измучила и делает неработоспособной ежедневная температура, вечером горячо, а с утра — ниже нормы. И поэтому я не имею сил, а служебных обязанностей очень много. Отпусков длительных теперь АН не дает. Значит надо побыть в состоянии пенсионера, а потом уж возвращаться к регулярной работе» (л. 14).

Важно для ознакомления с образом мысли В. П. в то время и для понимания характера взаимоотношений корреспондентов приводимое полностью письмо от 18 июля 1953 г., где впервые читаем обращение «Дорогой»:

«Дорогой Михаил Николаевич!

Вчера мне привезли из города от Вас дорогой подарок „Берестяные грамоты“.¹³ Сердечно благодарю Вас, в Ленинграде я никак не могла уловить эту книгу. Как издана! И даже непонятно, что при малом тираже книга совсем доступна по цене. Это хорошая иллюстрация к Вашей статье в Трудах.

Две недели я на даче, уже села за работу: обещала для „Литературных памятников“ приготовить в октябре книгу, а на днях из ОЛЯ просили к сессии 20—21 окт. дать доклад. У нас решили новым составом Бюро Отделения устраивать сессии с докладами и обсуждение работ Бюро каждые три месяца. На первый случай по алфавиту пойдем от литературоведов с докладами М. П. Алексеев и я.

В этом году, на счастье, я не попала в Дом писателей, не хватило мест — это удачно, так как там много знакомых и значит было бы для меня утомительно. Сейчас живу в Лисьем Носу, в маленьком, зато отдельном домике, на огромном участке, с обилием земляники, малины, смородины, черники. Наслаждаюсь после июньской суеты полным одиночеством, если не считать аспирантов. Но они скоро кончатся. В солнечные часы, когда мне все равно надо прятаться, пишу. Как хорошо было бы вообще жить так, без Института, писать, думая не засоренной институтскими дрязгами головой. Сейчас у нас очередной переполох: отошли все музеи наши в Мин. культуры, которое требует значительной группы ставок. В связи с этим повис в воздухе вопрос о пополнении сектора, тем самым опять отодвигается до новых штатов возможность уйти на пенсию. А мне так хочется этого. Впрочем, Вы, кажется, не одобряете моих планов?

Желаю Вам хорошего отдыха, еще раз благодарю за внимание.

Искренне Ваша — В. Адрианова-Перетц» (л. 15).

Письмо от 10 сентября 1953 г. с просьбой представить «обещанный текст Даниила Заточника именно в десятой том» ТОДРЛ написано под свежим впечатлением от известия о кончине академика Б. Д. Грекова: «Сейчас пишу очень кратко лишь эту просьбу, потому что по уши увязана в приемных экзаменах аспирантов: как председатель комиссии, к сожалению, вынуждена слушать лепет на темы о соцреализме, сатире и проч. Скучно, утомительно! А вы говорите о разгрузке! Пока не получишь пенсию, не разгрузиться. Пример покойного Бориса Дмитриевича поучителен — уж он ли не сопротивлялся болезни. А вот не оторвался от дел — и конец» (л. 16).

В октябре 1953 г. из Москвы в дни сессии АН СССР В. П. посылает в связи с избранием М. Н. Тихомирова действительным членом АН СССР

¹³ Очевидно, речь идет о книге: Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1951 г. М., 1953.

краткую телеграмму, адресованную «академику Тихомирову»: «Сердечно поздравляю. Адрианова-Перетц» (л. 17).

Письмо от 21 марта 1954 г. ответное и начинается так:

«Когда я окончательно настаивала на отставке, я вспоминала, как не очень одобрительно относились раньше к этому Вы. Вижу, что погружение в административные дела настроило Вас на несколько иной тон. Оно и понятно. Творческий работник, а Вы ведь всегда принадлежали к этому типу (кстати, совсем не рядовому в недрах АН), не может не чувствовать, как зажимает его организационная суета, с обилием заседаний, бумаг и проч. Будем надеяться, что вынужденная „диета“, ограничивающая исследовательские планы, — явление временное, и Вы сумеете так наладить свой режим, что отвоюете настоящие часы для письменного стола». В. П. обращается к М. Н. как члену Президиума АН СССР с просьбой поддержать предложение об организации в Москве группы по изучению древнерусской литературы: «Поддержите доброе дело, помогите „наверху“ понять, что Москва, обладающая такими неоценимыми сокровищами, как Рукоп. отд. Историч. музея и Лен. Б-ки, не может дольше оставаться без организованной работы над этими сокровищами. К тому же мы докладываем все время, что монопольное положение ленингр. группы — это явная ненормальность, вредная делу. С тех пор как Вы стали членом Президиума, все чаще мы, ленинградцы, мечтательно говорим: вот бы Михаил Николаевич вмешался в наши дела, поддержал то, чего год мы тщетно добиваемся, — возродил бы организацию московских древников. Как бы дружно могли тогда работать над неотложными вопросами москвичи и ленинградцы. А то В. Т. Пашуто все предъявляет счета древникам, а на практике платить по этим счетам должна маленькая горстка ленинградцев. Надо собрать все силы, а то захиреет наше дело.

Извините, что так длинно излагаю Вам наши горести. Ведь будущее нашей науки не может не беспокоить и пенсионера» (л. 18—18 об.).

Через пять дней — 26 марта 1954 г. — В. П. снова пишет М. Н. взволнованное письмо в связи с разговорами о том, что «Архиву ЛОИИ угрожает переселение в неподготовленное для занятий помещение, и это приведет к невозможности пользоваться материалами по крайней мере в течение года». Кончается письмо приглашением: «В мае надеемся видеть Вас на совещании по вопросам перспектив нашей науки. Это будет нечто вроде двадцатилетнего юбилей сектора. Ленинград весной хорош, приезжайте отдохнуть» (л. 19).

Письмом от 12 декабря 1955 г. В. П. благодарит за присылку книги «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.» (изданной Госполитиздатом): «Спасибо за подарок! Вижу, что административную нагрузку Вы уже настолько „освоили“, что опять принялись выпускать свежие книжки. От всей души желаю Вам в новом году таких же успехов. Ведь в административно-организационной работе утешения мало: что ни делай, конца не видно, и остается от нее всегда мало. То ли дело книжка. Кстати, эта последняя не только написана, но и оформлена изящно, сразу видно, что не нашего Издательства работа».

В письме В. П. рассуждает о том, что никак не может выбраться «из тины коллективных трудов», участвовала в подготовке трехтомной «Истории русской литературы» в ИРЛИ, на обсуждение которой на Ученом совете приехать, однако, не в силах, так как не переносит морозов и «очень шалит сердце».

Узнав, что М. Н. побывал в Ташкенте, приглашает его на юбилей Пушкинского Дома и сообщает: «По этому случаю опять запрягли: пишу

для юбилейного „Очерка“ историю нашего Отдела. Все же в общем сделал он немало, каковы бы ни были всяческие его грехи. Главное — оброс хорошими друзьями». И в конце письма снова приглашает: «Приезжайте весной посмотреть Печорские приобретения Владимира Ивановича. Юбилей будет в Пушкинские дни — в начале июня, как сессия ОЛЯ. Вспомним прошлое, помечтаем о будущем» (л. 20—21).

Характерно письмо, написанное 25 марта 1956 г. в связи с предполагавшейся защитой диссертации В. И. Малышевым: «Сейчас узнала, что 29-го Вы выступаете на защите в Институте истории. Очень прошу Вас, если это не нарушит уже намеченных Ваших планов, прийти в 2 часа к нам в Пушкинский Дом на защиту Владимира Ивановича. Не все здесь по-настоящему понимают его цену, то, что он, в сущности, давно заслужил степень, которой будет „соискать“ в четверг. Ваше появление и два-три слова, характеризующие не его диссертацию, а его как научного работника определенной ценности, имели бы очень большое значение. Пусть черняки и лягут, но стоимость их станет до конца ясной.

Все древники были бы очень рады встретить Вас в этот день на нашем общем празднике» (л. 23).

В коротком письме от 22 марта 1957 г. В. П. извещает об официальном ответе (л. 23) (отказе) на предложение участвовать в издании Ипатьевской летописи и в связи с чествованием с 70-летием одного ученого (на котором она «присутствовала лишь в виде телеграммы») замечает: «Такие, в общем, мало искренние юбилей больше похожи на гражданскую панихиду заживо: говорят одно, а думают другое...». В письме характерная концовка: «С удовольствием вспоминаю нашу недавнюю встречу. Так приятно было видеть Вас в „хорошей форме“ — она ведь нам нужна не менее, чем спортсменам» (л. 24—24 об.).

В письме от 14 октября 1957 г., сообщая о судебной реабилитации В. Н. Перетца (9 июля) и решении Президиума АН СССР о восстановлении его посмертно «в правах академика», чувствуя себя «очень виноватой в том», что «сразу же не известила» М. Н. об этом, оправдывается тем, что «не отрываясь сидела за столом — готовила к печати сборник последних не напечатанных статей Вл. Ник., писала к ним предисловие, большую биографию В. Н. и составила полный список его работ... Все это время пришлось работать в темпе, уже трудном в мои годы». В этой связи она пишет: «И вот, хоть работа закончена, а все еще „минувшее проходит предо мною“, а, сами понимаете, как отравлены эти воспоминания горькой памятью о 34—35 годах. Но было до этих несчастных лет так много хорошего. И даже голодно-холодная Самара вспоминается светло и с удовольствием. Среди этих воспоминаний „героического“ самарского периода — знакомство с юным историком из Москвы... И в центре всегда — наш общий старший друг, такой неутомимо-изобретательный на всякие научные предприятия, несмотря на постоянные болезни.

Как он умел и собрать всех, и зажечь настоящим интересом к делу. Когда я писала биографию Вл. Н., то по понятной причине должна была несколько сдерживать тон, чтобы лиризм воспоминаний не был воспринят как сугубо личный элемент. Но как бы хорошо было собрать воспоминания немногих еще живых его учеников, которые уж могут дать себе волю в личных оценках. Подумаем, где и как это можно было бы сделать». Сетуя на усталость, заверяет о своем намерении после академической сессии «опять садиться за дело, иначе начинаешь слишком много вспоминать о том, чего уж не вернешь. Может быть, встретимся в начале ноября?» (л. 26—27).

Концом 1957 г. датируется единственное обнаруженное пока в личном фонде В. П. Адриановой-Перетц в РО ИРЛИ (ф. 726/8/) письмо М. Н.

Тихомирова. Оно выявлено М. В. Рождественской и приводится полностью по сделанной ею копии:

«Дорогая Варвара Павловна! Ваше письмо заставило меня вспомнить о многом. Все, что нужно будет сделать для того, чтобы отметить память любимого и незабвенного Владимира Николаевича, я готов сделать. В жизни меня очень мало баловали вниманием, и из всех моих учителей я только о Владимире Николаевиче помню, что если и не одним хлебом жив человек, то без этого хлеба он все-таки умрет. И я в своей работе с моими учениками, теперь уже довольно многочисленными, забочусь и об их трудоустройстве и помогаю напечатать их работы. А именно этим в первую очередь меня поражал покойный Владимир Николаевич, в особенности среди моря равнодушия наших московских профессоров. А ведь не у каждого найдется силы справиться с препятствиями, так легко оттолкнуть молодежь. Кроме того, меня поражает та громадная интеллектуальная сила, которая жила в таком слабом и болезненном теле. Свое знакомство с Владимиром Николаевичем я начал задолго до личного знакомства с ним, прочитав его статью о житиях Никона. Помню, что я читал ее (я был тогда студентом) как своего рода откровение. Все это было настолько интересно.

Теперь прошло много лет и пора вспомнить о покойном со словами древнерусских памятников: „праведники во веки живут и строение им от Вышнего“. И хотя слово „праведник“ употребляется очень узко, я вспоминаю эти слова всякий раз, когда думаю о людях, заботившихся о других, потому что в этом и есть, вероятно (отсюда и далее текст письма от руки, — М. Р.), праведность. Письмо у меня пролежало в ящике почти месяц. Начал я его с тем, чтобы сказать побольше и лучше, а теперь чувствую, что так не получается, да и я тут опять заболел. И теперь отправляю письмо недоделанным, вспоминая слова покойного, которые знакомы и всем моим ученикам, работавшим у меня по палеографии. „Какой это полуустав?“ Отвечаю: „XVI века“. Влад. Ник.: „А подумавши?“ А подумавши оказывается начала XVII века. Увы, таково и мое письмо, сумбурное: надо, надо отметить память покойного. Преданный Вам М. Тихомиров. 23 дек. 1957 года».

Эти высказывания о В. Н. Перетце нашли затем почти текстуальное отражение в воспоминаниях ученого. А его рассуждения об учителе в вузе очень близки к тому, о чем писал академик Тихомиров в 1956 г. в статьях о подготовке молодых ученых и отношении к ним их научных руководителей. И мы — ученики М. Н. Тихомирова по Московскому университету — на себе могли убедиться, сколь благоприятным оказывался для нас опыт, усвоенный у В. Н. Перетца нашим учителем.

28 сентября 1957 г. В. П. снова пишет о творческом наследии В. Н. Перетца: «Теперь у меня в архиве осталось „Описание рукописей И. А. Шляпкина“, которое сделано в 34—начале 35 г. в Саратове. Работе этой Вл. Ник. отдал много внимания и сил. Некоторое участие в ней принимала и я, поэтому мне легко будет подготовить рукопись к печати. Не взяла ли бы Археографическая комиссия это описание? Объем его — 20—21 л. Если бы это было возможно, я очень просила бы Вас поручить кому-либо из сотрудников, ведающих подобными изданиями, сообщить мне технические правила: по какой орфографии передаются заглавия и начальные слова; какие допускаются сокращения (напр., Иоанн Злат. или Ио. Зл. и проч.), какие делаются указатели и т. д.

Наш сектор в Институте у теперешнего начальства настолько не в почете, что отнимать из скудного объема отпускаемых для него листов 20

листов невозможно: тогда зарежут что-нибудь из работ сотрудников. Вот я и подумала, нельзя ли перенести печатание „Описания“ на более нейтральную почву, где притом же работа найдет поддержку у Вас?

Когда выяснятся перспективы издательских возможностей Археологической комиссии, не откажите мне сообщить, найдется ли в плане место для этого „Описания“. Оно сделано обстоятельно — постатейно и с ценными библиографическими справками...» (л. 29—30).

Письмо это типично для подлинного большого ученого того поколения. Такие ученые сами делали всю вспомогательную работу по подготовке рукописи к печати. И притом не навязывая свои привычные правила, а с учетом нормативов издания. В конце письма объясняет, почему В. И. Малышев не захотел полететь по археологическим делам «на Дальний Восток», и отмечает, что он «давно уже отстранился от дел сектора» и никаких поручений, кроме своего описания печорских рукописей, «не имеет» (л. 29—30).

12 мая 1958 г. М. Н. Тихомиров поздравляет В. П. с семидесятилетием. Копия телеграммы осталась в его архиве: «Дорогая Варвара Павловна, сердечно поздравляю Вас с днем рождения. Всегда помнил и помню то время, когда вы и незабвенный Владимир Николаевич помогли мне в моих работах по истории. Ведь и я имею право причислить себя к Вашим ученикам, так как Вы целый год учили меня истории русского языка. Доброго Вам здоровья на многие годы. Тихомиров» (оп. 4, д. 2).

18 мая датирована ответная открытка В.-П.:

«Дорогой Михаил Николаевич!

Примите мою сердечную благодарность за все — за статью в мой том Трудов, за милую телеграмму, за новую книжку. Вот уж не ждала я, что разменяю восьмой десяток! Впрочем, и мудрившие в свое время надо мной доктора тоже не думали о такой возможности. Все-таки работа — замечательное лекарство, которое хоть и не вылечивает, но позволяет не опускаться на дно болезни. Так вот я с ее помощью проработала в общем 30 лет после всех печальных прогнозов медицинских светил. Недели через две-три двинусь под Москву на дачу и заранее предвкушаю удовольствие спокойно поработать без „текущих дел“, без телефона.

Желаю и Вам хорошего отдыха!

Ваша В. Адрианова-Перетц» (л. 31).

В письме от 20 октября 1958 г. В. П. просит сообщить, «прежде чем отдать текст» работы В. Н. Перетца в перепечатку, правила «передачи старых текстов, в описаниях, принятые археол. комиссией» (л. 31). А 25 декабря 1958 г. в связи с завершением работы по подготовке к печати «Описания рукописей проф. И. А. Шляпкина», предназначенного для Археологических ежегодников за 1959 и 1960 гг., В. П. пишет: «Одновременно с этим письмом высылаю на адрес Комиссии рукопись первой половины „Описания рукописей Шляпкина“ (10 л.) и мою официальную благодарность Председателю Арх. Комиссии за предоставление возможности опубликовать это Описание. А сейчас позвольте уже неофициально от всего сердца поблагодарить Вас как настоящего друга и нашего общего покойного учителя, и моего. Ведь совсем немного есть людей, которые в отношении нас обоих не менялись за минувшее с 34 года время... Конечно, с 57 года я услышала немало хороших слов о Владимире Николаевиче от людей, которые до этого года молчали, но зачем мне они? А Ваше доброе отношение я всегда чувствовала и в самые глухие годы. Еще раз спасибо Вам за него» (л. 32).

Письмо от 7 января 1960 г. начинается с новогоднего пожелания: «В новом году, пожалуйста, будьте здоровы — ведь все остальные блага производные от этого основного! И хотя Вы непрерывно напоминаете читателям, что болезни не отодвигают Вас от письменного стола, однако без них полнее радость от работы». Далее В. П. сообщает, что отослала рецензию на книгу «Повести о Куликовской битве», вышедшую в серии «Литературные памятники» в 1959 г. и «редакторскими заботами» М. Н. «наконец появившуюся на свет»: «...ни один из двух участников-литературоведов не раскачался пересмотреть вопрос о Летописной повести как о памятнике литературном, хотя со времени выступления Шахматова на эту тему прошло ровно полвека. Как хорошо, что впереди идет в книге статья историка, в полный голос напомнившая, что Куликовская битва была победой, хоть и дорогой ценой купленной: Мазон до сих пор считает, что изображение ее именно как победы — „историческая легенда“ XVI в. Меня в Вашей статье очень заинтересовало сближение — Соломон-Сулейман: не здесь ли действительно разгадка таинственного Соломона Задонщины? Убедительно и то, что „железные врата“ это не Дербент» (л. 34—35).

12 апреля 1960 г., видимо, после ознакомления с корректурой Археографического ежегодника за 1959 г., В. П. снова благодарит М. Н.: «Прежде всего — большое спасибо Вам за все заботы о работе Владимира Николаевича! Понимаю, как нелегко пробивать дорогу такими трудами, если они не узаконены каким-нибудь институтским планом. „Варяги“ Пушкинского Дома норовят со всех концов резать издат. план, если он выходит за границы XVIII века, поэтому мы и не пытались вдвинуть это Описание в отпущенные нам лимиты» (л. 36).

А в 1962 г., отправляя М. Н. книгу, прилагает и открытку: «Примите этот сборник последних статей Владимира Николаевича, который всегда с большой теплотой и сердечностью относился к Вам и ценил Вас не только как „настоящего“ ученого, но и как одного из своих друзей» (л. 37).

В открытке от 1 августа 1962 г. В. П. удовлетворенно констатирует, что «теперь издано все то, что было подготовлено Владимиром Николаевичем за последние два года жизни». И затем делится впечатлениями от выборов в АН СССР, состоявшихся в июне 1962 г.: «По общему отзыву, последние выборы были странными, теперь главные достоинства кандидатов возраст помоложе и организационная способность, наука же между прочим? В ОЛЯ картина грустная (а точнее — гнусная). Я уже не езжу — сердце очень сдает» (л. 39).

1 ноября 1962 г. В. П. благодарит М. Н. за присылку книги «Источниковедение истории СССР. Том 1» (М., 1962): «...Изумляюсь Вашей энергии и неутомимости. Хотя эта книга и названа скромно учебное пособие, но это отличный справочник для всех видов исторической науки, занятых и культурой нашего прошлого, в том числе и для филологов.

Шлю Вам к приближающемуся празднику самые лучшие пожелания — побольше здоровья и поменьше исторических событий — их и так на долю нашего поколения было достаточно» (л. 40).

Вероятно, 1963 г. датировано письмо от 14 мая с благодарностью за приветствие (очевидно, с 75-летием): «Примите мою самую горячую благодарность за „юбилейный“ привет от того возглавляемого Вами учреждения, которое помогло мне завершить печатание неизданного труда Владимира Николаевича. Ведь в такие дни особенно ясно ощущаешь, кому обязан всем своим делом жизни, и доброе отношение к Учителю ценишь еще больше, чем внимание к себе. А мне посчастливилось с Вашей стороны получить и то, и другое. Большое спасибо» (л. 38 — нумерация перепутана).

Сохранилась поздравительная телеграмма М. Н. Тихомирову с 70-летием от 1 июня 1963 г. (л. 41).

После кончины М. Н. Тихомирова (он скончался 2 сентября 1965 г.) В. П. предварила своим предисловием публикацию плана его неосуществленной монографии о посадской литературе XVII в. (ТОДРЛ. Т. 25. С. 319—320) и написала рецензию на первую книгу его избранных трудов «Русская культура. X—XVIII вв.» (М., 1968), опубликованную в журнале «История СССР» за 1969 г. (№ 4. С. 172—175) и перепечатанную затем в переводе на иностранный язык в журнале «Общественные науки» (1970. № 2).